

М. Н. Волконская

**Записки княгини Марии
Николаевны Волконской**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
М11

M11 **М. Н. Волконская**
Записки княгини Марии Николаевны Волконской / М. Н. Волконская – М.:
Книга по Требованию, 2013. – 266 с.

ISBN 978-5-518-06301-3

ISBN 978-5-518-06301-3

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

«Записки» княгини Марии Николаевны Волконской,— если можно назвать записками это краткое и простое повествование, обращенное матерью къ сыну,— были написаны въ Москвѣ, по возвращеніи ея изъ Сибири, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Предназначенные исключительно для семьи, онѣ написаны на французскомъ языкѣ,—языкѣ, на которомъ она постоянно говорила со своими дѣтьми въ ихъ дѣтствѣ и отрочествѣ. Французскій текстъ издается безъ всякихъ въ немъ измѣнений. Для читателей, мало знакомыхъ съ этимъ языкомъ, мы прилагаемъ русскій переводъ, возможно близкій къ поэзиннику, сдѣланный внукомъ автора, княжною Марию Михайловною Волконскою. Всѣ подстрочные примѣчанія, равно и приложения, принадлежатъ издателю. Приложения касаются лицъ, о которыхъ говорится въ «Запискахъ» наиболѣе подробно.

Русская печать, принявъ съ большимъ сочувствиемъ издание «Записокъ С. Г. Волконского», высказывала сожалѣніе о томъ, что наше послѣдовательство къ нимъ было слишкомъ кратко. Считаемъ нужнымъ отвѣтить на этотъ упрекъ, скорѣе лестный для издателя, что эта краткость была намѣренная. Цѣлью послѣдовательства было лишь связать объективнымъ повествованіемъ тѣ безспорные, большую частью, официальные документы, которые были нами почерпнуты въ архивахъ III Отдѣленія Собственной

et devenir conteur de nos propres souvenirs? Les «Mémoires de la princesse M. Wolkonsky» forment une suite naturelle aux mémoires de son mari qu'elles complètent directement. Ceux-ci s'arrêtent à son arrestation en 1825, ceux-là comprennent la période de leur existence commune principalement pendant l'exil et jusqu'à leur retour après un séjour de trente et un ans en Sibérie.

Devant le désir de l'auteur que ces «Mémoires» ne sortent pas du cercle de la famille, mon hésitation à les publier sera facilement comprise: d'un côté, le souci de me conformer à une volonté sacrée pour moi, d'un autre, le désir de ne pas laisser dans l'ombre un récit qui, d'après moi, a du prix non seulement pour la famille, mais pour la société, voire même pour l'histoire de l'époque. Il fut un temps, où l'on ne parlait des choses et des hommes de cette époque qu'à mi-voix, chaque ligne les concernant ou appartenant à l'un d'eux était comme un secret jalousement gardé et frappé d'interdiction. C'est bien cela que la princesse Wolkonsky avait en vue lorsqu'elle formulait son désir. Mais loin est ce temps, à l'heure qu'il est ce passé est discute en toute liberté. De son vivant, ma mère ne m'avait pas lu ses «Mémoires», mais souvent elle me disait que cela la troublait d'avoir parlé trop franchement des mesures prises par son père et son frère afin de l'empêcher de suivre son mari en Sibérie. Elle avait adoré son père et aimé son frère jusqu'à la fin de ses jours: son trouble est tout naturel. Mais tout aussi naturel, d'un autre côté, est le sentiment qui faisait agir sa famille. La séparation se présentait comme devant durer toute la vie,

Е. И. В. Канцелярії, Нерчинскаго и Петровскаго заводовъ и въ Иркутскомъ. Удлинить повѣствованіе значило бы выйти изъ рамокъ задачи и сдѣлаться авторомъ собственныхъ воспоминаній. «Записки» княгини М. Н. Волконской являются прямымъ пополненiemъ «Записокъ» ся мужа. Послѣднія останавливаются на его арестѣ въ 1825 году, эти же обнимаютъ periodъ ихъ общей жизни, преимущественно, во время ссылки и до возвращенія ихъ чрезъ тридцать одинъ годъ пребыванія въ Сибири.

Въ виду желанія автора, чтобы «Записки» не выходили за предѣлы семьи, будетъ понятно каждому чувство колебанія, мучившее меня въ этомъ случаѣ при желаніи, съ одной стороны, остаться вѣрнымъ дорогой для меня волѣ, а съ другой, не оставить подъ спудомъ разсказъ, имѣющій, по моему мнѣнію, цѣну не для одной семьи, а для общества и, быть-можетъ, для исторіи того времени. Было время, когда о событияхъ и людяхъ этой эпохи говорилось въ поль-голоса, когда каждая строка о нихъ, или имѣ самимъ принадлежащая, считалась тайною и была воспрещаема. Конечно, княгиня Волконская имѣла это въ виду, выражая свое желаніе. Но, далеко то время; теперь говорятъ и пишутъ объ этомъ прошломъ свободно. При жизни, мать не читала мнѣ своихъ «Записокъ», но неразъ говорила, что смущаетъ ее то, что она откровенно разсказываетъ о мѣрахъ, предпринимавшихся ея отцомъ и братомъ съ цѣлью помѣшать ей слѣдовать за мужемъ въ Сибирь. Она боготворила отца и любила брата до конца своей жизни: понятно ея смущеніе. Но, понятно,

et l'avenir n'offrait que de l'inconnu: que représentaient ces usines vers lesquelles elle partait? Quelle sorte d'existence l'y attendait? Quel refuge y trouverait-t-elle, et où? Quel traitement de la part des autorités locales? La Sibérie d'alors n'était pas celle d'aujourd'hui; les communications étaient difficiles, la poste en Transbaïkalie, arrivait une fois par mois et mettait environ huit semaines de Pétersbourg; des récits pleins d'horreur circulaient sur les usines et les lieux de déportation de Nertchinsk. Dans de pareilles conditions l'exil aux yeux de la famille paraissait une mort lente. Mais ceux que concerne cette partie des «Mémoires», la plus pénible pour l'auteur, ont disparu depuis longtemps, disparue la seconde génération, même la troisième... Une autre raison du désir exprimé par ma mère c'est sa modestie, qui se faisait jour en toute chose, l'aversion qu'elle éprouvait à ce qu'on parlât d'elle et s'occupât de sa personne. Je me rappelle les paroles, maintes fois entendues dans mon enfance, par lesquelles elle répondait à l'étonnement qu'on lui exprimait de ce qu'elle avait pu volontairement se priver de tout ce qu'elle avait, tout laisser et suivre son mari: «Quoi d'étonnant?» disait-elle—«cinq mille femmes chaque année font la même chose». Son sentiment de modestie lui appartiennent, mais il m'appartient à moi, je pense, après que près d'un demi-siècle s'est écoulé depuis,—il m'appartient le droit d'aborder la question par un autre côté sans blesser une mémoire qui m'est chère. D'aucuns me blâmeront, il s'en trouvera d'autres qui, je l'espère, justifieront ma manière d'agir.

Elevée dans l'atmosphère éclairée de la maison du général Nicolas Raïevsky, son père, la princesse Marie Nicolaïevna demeura toute sa vie fidèle aux principes de religion et de morale qu'elle y avait puisés. Elle porta en Sibérie l'in-

съ другой стороны, и чувство, руководившее ся семью Разлука съ нею предстояла на всю жизнь, и впереди было одно неизвестное: что представляли изъ себя рудники, въ которые она ѿхала? какая готовилась ей тамъ жизнь? гдѣ и какой, пріютъ ожидалъ ее, какое обхожденіе съ нею мѣстныхъ властей? Сама Сибирь того времени не была теперешнею: сообщенія были затруднительны, почта получалась въ Забайкальѣ разъ въ мѣсяцъ и шла отъ Петербурга около восьми недѣль, о Нерчинскихъ заводахъ и поселеніяхъ рассказывались ужасы. Въ такихъ обстоятельствахъ эта ссылка представлялась семье медленною смертью. Но всѣхъ тѣхъ, кого касается эта часть воспоминаній, наиболѣе тяжелая для автора, давно нѣтъ на свѣтѣ, нѣтъ уже второго, нѣтъ и третьяго поколѣнія. Другая причина высказанному москвитину желанию,— это ея собственная скромность, всегда и во всемъ проявлявшаяся, нежеланіе, чтобы ею занимались и о ней говорили. Припоминаю слова, неразъ слышанныя мною въ дѣтствѣ, въ отвѣтъ на высказываемое ею удивленіе по поводу того, что она могла добровольно лишить себя всего, что имѣла, и все покинуть, чтобы следовать за своимъ мужемъ: «Что же тутъ удивительного?» говорила она, «пять тысячъ женщинъ каждый годъ дѣлаются добровольно то же самое». Чувство скромности составляетъ ея собственность, но мнѣ, полагаю, принадлежитъ право послѣ того, что прошло съ тѣхъ поръ около полуувѣка, отнестишись къ вопросу иначе, не оскорбляя тѣмъ священной для меня памяти. Найдутся люди, которые обвинятъ меня, но найдутся, надѣюсь, и такие, которые оправдаютъ мое рѣшеніе.

Воспитанная въ строго-нравственной и просвѣщенной семье Н. Н. Раевскаго, княгиня Марія Николаевна

struction reçue dans sa famille. Possédant le français et l'anglais comme sa propre langue, elle passait ses heures de solitude à lire, et le cercle de ses connaissances dépassait le niveau ordinaire. L'histoire et la littérature l'attiraient particulièrement, jamais je ne lui ai vu un livre frivole entre les mains. Douée d'une voix remarquable, qu'elle avait eu le temps de bien développer en Russie, ayant étudié la musique à fond, elle put, ainsi qu'elle le raconte elle-même, exercer son talent d'abord pour elle toute seule, plus tard en famille. Tout cela qui lui venait de Dieu et de la maison paternelle lui aida dans les premiers temps à supporter la solitude, ensuite—«les privations et les souffrances» auxquelles, d'après ses propres paroles, les exilés s'étaient «si bien habitués, qu'ils avaient trouvé moyen d'être gais et même heureux en exil».

Ferme et persévérante dans ses résolutions, elle était en même temps d'un caractère doux et facile à vivre, toujours gaie, ne perdant jamais courage. L'amour du prochain dont débordait son cœur se répandait sur tout ce qui l'entourait, les exilés, les familles indigentes des paysans, surtout les enfants. Mais le centre de cet amour c'était ses propres enfants: en eux se résumaient ses rêves, ses désirs, ses craintes, ses aspirations. Et de fait, tout, à commencer par les modiques moyens assurant leur existence et jusqu'aux modestes connaissances avec lesquelles ils quittèrent la Sibérie, ses enfants le doivent à elle. Elle ne les perdait jamais de vue, dirigeait leurs leçons, suivait de loin les voyages de son fils, qu'elle sauva plus d'une fois par ses soins en temps de maladie et ne détourna jamais des dangers inévitables mais nécessaires dans l'existence d'un homme.

A son retour de Sibérie en 1855, la princesse s'établit à Moscou, où l'année suivante elle fut rejoints par son mari

всю жизнь осталась върной начальамъ вѣры и добродѣти, въ ней почертнутымъ. Она перенесла съ собой въ Сибирь полученное ею въ семье образованіе. Зная французскій и англійскій языки, какъ свой родной, она проводила время уединенія за чтеніемъ, и кругъ ся знаній выходилъ за предѣлы обычнаго уровня. Историческая наука и литература ее всего болѣе привлекали: ни разу не видать я въ ея рукахъ, что называется, пустой книги. Одаренная замѣчательнымъ голосомъ, который она успѣла обработать еще въ Россіи, и изучившая прекрасно музыку, она имѣла возможность, какъ и сама разсказывается, примѣнять свой талантъ сначала въ одиночество, а потомъ въ своемъ семейномъ кругу. Все это, Богомъ и отцовскимъ кровомъ сї данное, помогло ей переносить на первыхъ порахъ одиночество, а впослѣдствіи «лишенія и страданія, съ которыми», по ся словамъ, сосланные «свыклись настолько, что сумѣли быть и веселы, и даже счастливы».

Твердая и настойчивая въ своихъ главныхъ рѣшенияхъ, она, въ то же время, была характера мягкаго и уживчиваго, всегда веселая и никогда не падавшая духомъ. Ея любвеобиліе широко разливалось на всѣхъ окружающихъ, особенно на ссылочныхъ, на крестьянскія нуждающіяся семьи и на дѣтей. Но центромъ этой любви были ся собственные дѣти: къ нимъ сводились всѣ ея мечты, ея желанія, опасенія, стремленія. И гѣйстительно, всѣмъ, что они получили, начиная съ материальнаго обезпечения и до тѣхъ, хотя и ограниченныхъ, знаній, съ которыми они вышли изъ Сибири, они обязаны ей. Она слѣдила за каждымъ ихъ шагомъ, за ихъ ученіемъ, за путешествіями сына, никогда не отклоняя его отъ опасностей, исизбѣжныхъ и въ то же время необходимыхъ.

qui venait d'être gracié. A Moscou elle vécut entourée de considération par la société d'alors; mais, à partir de l'année 1857, de fréquentes maladies, ainsi que l'état de santé de son mari, les obligeant tous deux à l'emploi des eaux minérales, chaque année ils faisaient un voyage à l'étranger. Les hivers de 1859 et 1860 furent passés en famille, partie à Rome, partie à Paris. Retour de l'étranger, elle n'alla plus à Moscou, elle s'installa définitivement dans une campagne de la Petite Russie, Voronky, bien de son beau-fils N. Kotchoubey. En attendant sa santé s'ébranlait de plus en plus, ses forces déclinaient. Au milieu de l'été 1863, je fus subitement appelé de l'Estonie, où je laissai mon père cloué au lit par la maladie. Les forces de ma mère, minées par tant d'épreuves, céderent devant un nouveau mal—maladie du foie; consumée par une fièvre constante, au bout de six semaines elle passa à meilleure vie d'une mort chrétienne dans les bras de son fils et de sa fille le 10 août 1863, à l'âge de 56 ans.

Elle repose à côté de son mari au village de Voronky sous l'église érigée sur leurs tombes. Sur la porte du caveau on lit: «Salut! Consolatrice Infatigable de ceux qui gémissent dans les fers et les cachots». (Acathiste à l'Intercession de la S-te Vierge, Ikon 10) ¹⁾.

Je crois devoir dire quelques mots sur la façon dont la presse a parlé des épouses, exilées volontaires. Je m'arrêterai avant tout

¹⁾ Le mot «Acathiste» (*Ἀκαθίστης*) signifie: prière dont le chant et la lecture doivent être faits et écoutés debout; le mot «ikon»: maison ou recueil de cantiques. La composition de l'Acathiste à la Sainte-Vierge remonte à l'année 626. (Père Serge Weriguine. Pau, 1902)

въ жизни человѣка, и неразъ спасла ему жизнь, ухаживая за нимъ во время болѣзней.

По возвращеніи изъ Сибири въ 1855 году—время, на которомъ останавливаются «Записки»,—княгиня Марія Николаевна поселилась въ Москвѣ, куда въ слѣдующемъ году прибылъ и возвращенный изъ ссылки ся мужъ. Въ Москвѣ она пользовалась вниманіемъ иуваженіемъ тогданиаго общества, но съ 1857 года болѣзни ся и мужа заставляли ихъ уѣзжать сжегодно на минеральныя воды за границу. Зимы 1859 и 1860 гг. были проведены ею частью въ Римѣ, частью въ Парижѣ, вмѣстѣ съ семьею. Изъ—за границы она уже не возвращалась въ Москву, а проѣхала прямо въ малороссійскую деревню Воронки, имѣніе своего зятя, Н. А. Кочубея. Между тѣмъ, здоровье ся все болѣе и болѣе расшатывалось, силы уходили. Лѣтомъ 1863 года я былъ внезапно вызванъ къ ней изъ Эстляндии, гдѣ отецъ лежалъ, прикованный болѣзнию къ своей кровати. Подточенныя долгими испытаніями, ея силы не выдержали новыхъ страданій—болѣзни печени, и, изнуряемая постоянною лихорадкою, она черезъ шесть недѣль скончалась христіанскою смертью на рукахъ сына и дочери, 10 августа 1863 года, 56 лѣтъ отъ роду.

Она погребена рядомъ съ мужемъ, въ селеніи Воронкахъ Черниговской губерніи, подъ зданіемъ церкви, возведенной надъ ихъ прахомъ. Надъ сводомъ склепа вырѣзанъ текстъ: «Радуйся, неусыпающая попечительница во узахъ и темницѣ сѣдящихъ». (Акаѳистъ Покрову, Икона 10).

Считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніи печати къ добровольнымъ изгнанницамъ и,

au poème de Nékrassoff «l'emmés Russes», vu sa très grande affinité avec les «Mémoires» de la princesse Wolkonsky.

Je connaissais Nékrassoff depuis de longues années. Ce qui nous rapprocha c'était mon goût pour la poésie et de fréquentes chasses d'hiver pendant lesquelles nous causions longuement. Dans nos entretiens toutefois j'évitais de toucher à la question des exilés de Sibérie, craignant les indiscretions et jugeant toute publication prématurée. Un jour m'ayant rencontré au théâtre, Nékrassoff me dit qu'il venait d'écrire un poème sur la princesse E. Troubetskoy, me pria de le lire et de lui faire part de mes remarques. Je lui répondis que j'étais en rapport d'étroite amitié avec les membres de la famille Troubetskoy et que, si plus tard, il se trouvait dans le poème des passages désagréables à la famille, les Troubetskoy, sachant que cette œuvre m'avait été préalablement communiquée, pourraient avec raison m'en vouloir; que par conséquent j'étais tout disposé à lui faire part de mes observations, mais dans le seul cas où elles seraient acceptées par l'auteur. J'eus son consentement et le lendemain je fus en possession des épreuves du poème. Je le lus de suite et le portai à l'auteur avec mes annotations; elles avaient trait surtout au caractère des personnages. Dans certains endroits, en soignant la beauté de l'expression et du vers le poète altéra le caractère de cette noble femme, humble et douce, et je le signalai à son attention. Il accepta un grand nombre de mes observations, mais en rejeta d'autres; ainsi il ne voulut jamais sacrifier un quatrain dans lequel la princesse profère des invectives contre la haute société de Pétersbourg a laquelle appartenait ses parents et ses plus proches amis et vers laquelle, en réalité, du fond de son loin-